

УДК 343.8  
ББК 67.409

В.В. Гольберт,  
кандидат социологических наук

## КАРАТЕЛЬНЫЙ ПОПУЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассматриваются источники и составные части карательного популизма на современном этапе в индустриально развитых странах, предлагаются объяснительные модели отношений между этим развитием и макросоциальными процессами, различные интерпретации понятия «карательный популизм». С точки зрения одной из них, карательный популизм является продуктом реализации самореферентных интересов правоохранительно-карательного комплекса, другая усматривает в нем результат манипулирования гражданами со стороны политиков и средств массовой информации. Третья модель предполагает, что граждане сами охотно поддерживают репрессивные подходы.

Ключевые слова: карательный популизм; правоохранительно-карательный комплекс; репрессивная тенденция; репрессивно-карательное управление обществом.

V.V. Golbert,  
Ph.D. in Sociology

## PUNITIVE POPULISM IN CONTEMPORARY WORLD

The paper considers the sources and components of contemporary punitive populism in industrially developed countries. It proposes explanatory models of relations between such dynamics and macrosocial processes as well as different interpretations of the “punitive populism” concept. Punitive populism, according to one of them, is a product of the law enforcement-punitive complex’s pursuit of its own self-serving interests. Another model interprets it as a result of citizens’ manipulation by politicians and mass media. A third suggests that citizens themselves are willing to support repressive approaches.

Key words: punitive populism; law enforcement-punitive complex; repressive tendency; repressive-punitive social governance.

Политика предполагает коллективное решение общезначимых задач, требующее легитимационных и иных ресурсов\*. Популизм в этом свете можно определить как псевдополитику, при которой средство (получение легитимационного ресурса) ставится на место цели (решение общественных задач с помощью этого ресурса). Популизм также представляет собой гипертрофию ответственности политиков перед населением и избирателями, их связи, здорового стремления к популярности [9]. При более детальном рассмотрении популизма в нем можно выделить такие черты, как враждебность по отношению к представительной демократии, авторитаризм, антиэлитизм, недоверие

к экспертам и патриотизм романтического характера [33]. Кроме этого, популизм состоит в предложении простых решений для сложных проблем. Еще один аспект – достижение краткосрочных политических успехов ценой долгосрочной эрозии политического капитала соответствующей партии и политики в целом, роста цинизма, абсентеизма и т. п. Проблема противодействия самовоспроизводящейся тенденции развития популизма является одним из главных вызовов XXI столетия [28, р. 184].

Помимо вышесказанного, под популизмом понимается стратегия партийной конкуренции, состоящая в попытке мобилизовать сторонников безотносительно к традиционным социальным различиям и конфликтным линиям (например, между классами, фракциями классов, группами интересов и т. д.). Для этого она апеллирует к народу или большинству народа. Популизм предлагает стратегии социальной интеграции с опорой на харизматического лидера, пользующегося плебисцитарной легитимацией. Правый по-

\* Расхожее понимание политики как борьбы за власть представляется слишком примитивным и в принципе неверным. Луманн определяет политику как систему, обеспечивающую возможность принятия решений, обязательных для всеобщего исполнения [22, р. 740]. Представляется целесообразным привнести в это понимание нормативный элемент, добавив к луманновскому определению фразу «и гарантирующую, что такие решения принимаются в общих интересах».

пулизм приравнивает социальный вопрос к национальному, наряду с предложением националистических решений для социальных проблем; этнический коллективизм сопряжен с более или менее агрессивной ксенофобией в отношении разного рода меньшинств [7]. Популизм предлагает потенциальным избирателям идентификации дихотомического характера, основанные на двоичном кодировании: «мы и они», «местное население и иностранцы», «законопослушные граждане и преступники» [12, р. 54–57]. Рассматриваемый феномен может принимать концентрированное обличье в виде собственно популистских партий и движений либо же существовать в более диффузных формах – в случае, когда «партии демократического спектра» обретают популистские черты под давлением императивов обеспечения избирательных успехов [12, р. 132–133]. Перефразируя одного из популистских лидеров, можно сказать, что в современной Европе «непопулисты могут быть успешными лишь в том случае, если они немножко популисты» [1, с. 51].

Карательный популизм предполагает «преобладание в уголовной политике мотивов получения избирательных преимуществ над мотивами эффективности контроля над преступностью» [28, р. 5]. Разрастание данного феномена наблюдается во всех без исключения странах западного мира на протяжении последних десятилетий: наказание стало «ходовым политическим товаром».

Благоприятной питательной почвой для карательного популизма является рост карательных притязаний населения, а следствием – ужесточение уголовной политики. Тема борьбы с преступностью, преступления и наказания получила такой вес и популярность, о которой политики и не мечтали всего три десятилетия назад, когда в моде были аболиционизм и некарательные подходы. На этом фоне показатели применения тюремных мер неуклонно растут. Ресторативные и превентивные подходы нисколько не меняют положения дел, они вписываются в репрессивную тенденцию, коренным образом меняя свой характер. Ирония истории состоит в том, что все это происходит как раз тогда, когда растущий до этого уровень преступности начал снижаться [28].

Введение альтернативных санкций обесценивается в некоторой степени тем фактом, что как население, так и судьи относятся к ним весьма скептически, считая их недостаточно суровыми. Это находит отражение и в официальных утверждениях высших инстанций британской полиции и системы уголовного правосудия [28, р. 34–35]. Опрос 1996 г. по национальной выборке в США показал, что более половины населения считают общественные меры слишком мягкими [31]. Это мнение разделяют судьи, постоянно указывающие на недостаточную суровость общественных мер, не верящие в них и, по возможности, воздерживающиеся от их применения. Аналогичная ситуация наблюдается в Ирландии [21, р. 316], Канаде и Австралии [29, р. 35]. Расширение законодателем арсенала санкций, не связанных с лишением свободы, отнюдь не привело к сокращению практики приговоров к лишению свободы в Канаде, Англии и Уэльсе [18; 14, р. 153; 11; 29, р. 35]. Esmee Fairbrain Foundation в Великобритании издавна систематически поддерживает проекты волонтерского сектора по предотвращению преступности, а также реабилитации осужденных в местах лишения свободы и по месту жительства. В 1990-х гг. осуществление этих программ все более затруднялось ростом карательных настроений в политических кругах и средствах массовой информации [3 XVII].

В 1990-х гг. либеральные правительства (Клинтона, Блэйра и др.) не только продолжали репрессивный уголовно-политический курс предшествовавших им консервативных администраций, но и усилили данную тенденцию. Из 18 лет господства консерваторов в Англии (с 1979 по 1997 г.), вопреки их жесткой уголовно-политической риторике, 13 лет проводилась политика либеральных уголовно-политических реформ, причем в условиях постоянного роста преступности по статистическим данным [28, р. 44]. В целом сохранение либерального курса объясняется рациональными взглядами министров внутренних дел (Home Secretaries) Уильяма Уайтлоу и Дугласа Херда: они считали лишение свободы не более чем «очень дорогим методом сделать дурных людей еще хуже». Занимая очень прочные позиции внутри партии, они располагали возможностью игнорировать уже ошутимое в тот момент времени

нарастание карательных настроений широкой публики [28, р. 45]. В результате консерваторы сумели убить двух зайцев: сохранить имидж непримиримых борцов с преступностью и сократить бюджетное бремя содержания тюремной системы [28, р. 46]. Жесткая риторика сделала их неуязвимыми для критики оппонентов в попустительстве преступности, а либеральная уголовная политика – неуязвимыми для критики слева.

Ведение избирательной кампании либералами против консерваторов в 1992 г. под правопорядческим (Law-and-Order) лозунгом стало историческим курьезом. Тони Блэйр, тогда теневой министр внутренних дел (Home Secretary), выдвинул лозунг «решительной борьбы с преступностью и причинами преступности» (англ. *tough on crime, tough on the causes of crime*). Под давлением общественного мнения консервативные политики изменили свой уголовно-политический курс на 180° в направлении принятия жестких мер, однако это уже не могло спасти их от электорального поражения [28, р. 47]. Вместо обретения популярности они потеряли лицо в результате явно поспешного и ориентированного на снискание дешевой популярности отказа от уголовно-политических принципов, которыми они руководствовались ранее. Идентичную ошибку политического гипероппортунизма совершили социал-демократы в Гамбурге в 2001 г.

По данным Международного исследования потерпевших от преступлений (ICVS), с 1989 г. поддержка тюремных мер выросла во всех странах Западной Европы и Нового Мира (Австралия, Канада, Новая Зеландия и США), за исключением Франции и Бельгии. Сравнение данных ICVS за 1996 и 2000 г. по семи странам показало статистически значимое возрастание сторонников применения тюремной меры в отношении стандартной фигуры, для которой в анкете предлагается выбрать надлежащее наказание – 21-летнего мужчины, прежде судимого, совершившего кражу со взломом и похитившего при этом телевизор [6]. Преимущественный показатель роста предпочтений в пользу лишения свободы находится на уровне 10 % (Англия и Шотландия по 13 %, Нидерланды и Канада по 12 %, Северная Ирландия 9 %, США, Финляндия и Австралия от 2 до 4 %). В странах Центральной и Восточной Европы, напротив,

этот показатель в 1996–2000 гг. существенно снизился, на 20–21 % в Грузии и Литве, на 11 % в России; в то же время, в Латвии и Хорватии он слегка вырос, на 3 и 7 % [25, р. 74–75]. Сравнивая отдельно Западную Европу с крупными городами Центральной и Восточной Европы, можно убедиться, что снижение карательных притязаний происходит в странах с относительно высокими показателями использования лишения свободы, а рост – в странах с относительно низкими показателями [25, р. 69].

В то же время по ряду аспектов отношение населения к преступлению и наказанию в США заметно сдвинулось в направлении либерализации. Это касается потребления марихуаны, а также взглядов на приоритетность карательных мер или воздействия на социальные причины преступности: в 1994 г. карательные меры предпочитали 42 % опрошенных, а социальные – 48 %; в 2002 г. соотношение оказалось 35 % к 65 % [17, р. 148].

Относительно благоприятные возможности для проведения рациональной уголовной политики имеют правящие партии или коалиции, если они чувствуют себя уверенно благодаря наличию стабильного парламентского большинства и благоприятным прогнозам электоральных опросов. Этим, в частности, объясняется успешный опыт недавнего реформирования системы ювенальной юстиции в Канаде [28, р. 124–125]. Чем больше ощущается угроза утраты власти, тем сильнее возрастает склонность к принятию популистских мер. Эта закономерность носит универсальный характер и может использоваться для объяснения положения дел в России.

В целом же, в то время как в странах третьего мира и бывшего социалистического лагеря развитие характеризуется амбивалентностью и эклектикой, в «развитых» странах репрессивная тенденция является преобладающей и определяющей. Наиболее яркой иллюстрацией этой тенденции является развитие политики и практики обеспечения безопасности в США в последней трети XX в. В 1970-е гг. в этой стране последовательно набирал темпы рост «карательного архипелага» (термин Мишеля Фуко) – [2, с. 94]. В 1990-е гг. скорость его развития устремилась в заоблачные выси. Темпы роста числа заключенных на 100 тыс. граждан напоминали о временах ста-

новления советского ГУЛага. С 1972 по 1981 г. количество заключенных на 100 тыс. граждан выросло на 50 %, с 1981 по 1991 г. удвоилось; в первой половине 1990-х гг. выросло еще на 50 %, достигнув в 1997 г. уровня в 450 заключенных на 100 тыс. граждан [13, р. 64]. В той же вертикали экспоненциально-взрывообразного роста выстраиваются динамические ряды расширения персонала и расходов на содержание «индустрии контроля над преступностью» в этой стране [32].

Дополнительно здесь имеет смысл сослаться лишь на некоторые из работ, подтверждающих наличие репрессивной тенденции [15; 19; 34]. Позднейшие источники на эту тему довольно многочисленны, так что специальное и систематическое рассмотрение их составило бы предмет отдельной работы. Целью же данной статьи является не выявление и демонстрация существующей репрессивной тенденции, а объяснение ее значения и взаимосвязей в контексте развития общества.

Попытаемся без какой-либо претензии на полноту охарактеризовать некоторые подходы к объяснению репрессивной тенденции. В числе прочего обращает на себя внимание, что ее усиление во внутренней политике западных государств совпадает во времени с падением железного занавеса и снятием противостояния между Востоком и Западом. Напрашивается предположение о логической взаимосвязи этих событий. Внешняя угроза существенно теряет в весе в качестве источника «образов врага» и легитимации военно-промышленного комплекса. Частичная потеря легитимации ведет далее к сокращению ресурсного обеспечения так называемой «правой руки государства» (термин Пьера Бурдьё, обозначающий вооруженные силы и полицию как силовые инстанции государства) [10, р. 12]. Это касается бюрократических структур, отвечающих за обеспечение внешней (без)опасности и связанных с ними отраслей промышленности (ВПК). Существует угроза потери в данных отраслях рабочих мест, возможностей карьерного роста и алхимических механизмов извлечения прибылей.

Естественно ожидать со стороны «правой руки» попыток компенсировать свои потери в легитимации и ресурсах. Персонал и средства, утраченные вооруженными силами и оборонной промышленностью, должны

быть возвращены в артериально-венозную систему «правой руки» по каналам финансирования полиции и *индустрии контроля над преступностью*. Функции военно-промышленного комплекса как клапана перераспределения ресурсов в пользу силовых бюрократических структур и связанных с ними отраслей промышленности, зависнув на мгновение в воздухе, были «подхвачены» «правоохранительно-карательным комплексом» (англ. law enforcement and correctional complex). Насколько можно судить по данным в отношении США, процесс этот протекает не без успеха [35, р. 403]. С помощью политического лоббирования и истерических кампаний по охране законности и правопорядка (law-and-order) вышеназванные бюрократические структуры и концерны добиваются значительного повышения политического веса проблематики внутренней безопасности и перевода стрелок политики на рельсы «карательного управления государством». Одержимости политиков и средств массовой информации сопутствуют моральные паники и истерические настроения публики, которые способствуют или используются для дальнейшего повышения конъюнктуры вопросов внутренней безопасности.

Предложенная попытка объяснения беспрецедентной политической карьеры внутренней безопасности в истекшие десятилетия созвучна концепции «индустрии контроля над преступностью» [15]. В этой концепции содержится диагностика одной из угроз для демократического общественного порядка. Опасность заключается в экспансии репрессивно-карательных институциональных структур и тенденции к репрессивно-карательному управлению обществом. Эта тенденция антидемократична по своей сути; кроме того, ее последовательная интерпретация неизбежно приводит к вопросу о противоречиях демократических систем. Если граждане и избиратели – суверен демократии в высшей инстанции – не желают ужесточения наказаний и более широкого применения насилия государством, это означает, что репрессивная тенденция пробивает себе дорогу вопреки и невзирая на волю «суверена». Такую интерпретацию предлагает ряд авторов [4; 8]. «Замкнутые на себя» (нем. selbstreferentiell) интересы автопойетических систем, охваченных процессом обособления



(от общества), перевешивают «демократическую волю» и оказывают более сильное влияние на политические решения.

В общем плане можно сказать, что реальная демократия на данном этапе ее развития не очень успешно справляется с проблемой дифференциации-обособления функциональных субсистем и возникновения дисбаланса между ними. Одним из проявлений этого являются эффекты исключения, порожденные системными процессами и отношениями [23, р. 229] – эффекты, в высшей степени нежелательные и опасные для демократии\*.

Если представить себе, что более интенсивная насильственно-карательная практика отвечает желаниям граждан, тогда растущая репрессивность станет продуктом демократического процесса, «*работающей демократии*» (англ. *democracy at work*)\*\*.

Возможно, однако, что речь идет при этом о демократии манипулятивной. Политический процесс представляет собой реципрочное движение, в котором:

1) «политическое предложение» согласуется со «спросом»;

2) «спрос» формируется под существующие или планируемые формы предложения.

О манипулятивной демократии можно говорить по мере возрастания значения второго аспекта. В этом случае следует различать «истинные» или «аутентичные» и «внушенные» политические установки граждан. Демократический характер политической системы превращается в фикцию, если «внушенные» установки со значительным перевесом доминируют над «истинными»\*\*\*.

Проблема предстает в ином свете, если карательные притязания интерпретируются не как «внушенные», а как «истинные», – тогда речь идет не о «недостатке в реальной

демократии», а о «недостатках реальной демократии». Такой интерпретации созвучен тезис о возникновении «репрессивной политической культуры» в США [13]. Согласно этому тезису понятия преступления и наказания определяют все сильнее не только слова и действия правящих кругов вне зависимости от мнений и настроений управляемых. Политическая идентичность граждан также замешана на этих понятиях. Она лежит в основе политической культуры, формирующей единый национальный политический субъект из массы разрозненных индивидов вопреки всем различиям и конфликтам индивидуального и коллективного характера.

Эта концепция также хорошо согласуется с высказанными выше предположениями о роли прекращения противостояния между Востоком и Западом. Можно предположить, что политическая культура формируется не только и не столько на основе позитивных ценностей и самовосприятия, сколько на основе восприятия противоположных и чуждых ценностей. Ценности вроде свободы и демократии воспринимаются через непосредственное их переживание, а также посредством восприятия того, что определяется как «несвобода» и недемократия» (включая негативную коннотацию элементов «иного»). В силу этого альтернативная система самым фактом своего существования, помимо легитимации военно-промышленного комплекса, оказывала неопределимый вклад в политическую (само-)идентификацию граждан западных демократических государств. Это идентифицирующее воздействие извне было тем более сильным, что «чужое» ассоциировалось не только с действительными и мнимыми недостатками, но и с действительными и мнимыми угрозами. Присутствие угрозы усиливает эмоционально насыщенные стимулы к идентификации с находящимися под угрозой ценностями, к сплочению во имя священной задачи их защиты. Защита воспринимаемых как собственные ценности является мотивом, который наряду с мотивами их культивации и укрепления лежит в основе практицируемой и коммуницируемой политической культуры, сконденсированной вокруг этих ценностей.

Если этот мотив выпадает или же в значительной степени ослаблен, требуется его замена, которая бы позволила и далее вос-

\* Демократия не допускает исключения из политической жизни тех, кто был исключен из жизни экономической, а они склонны голосовать за радикальные партии [24, р. 239].

\*\* Для опровержения этого тезиса К. Бекетт предприняла обширный вторичный анализ результатов опросов по данной тематике в США за несколько десятилетий [4].

\*\*\* Эмпирическое различие этих установок было бы в любом случае чрезвычайно трудной задачей. Основной тезис К. Бекетт [5] представляется вполне правдоподобным: правящая элита провоцирует по схеме «политико-публицистического замкнутого круга акселерации» [30] морально-панические настроения, ссылая на которые затем обосновывает популистско-репрессивную политику.

принимать ценности как находящиеся под угрозой и идентифицировать себя с задачей их защиты. Этим стимулируется поиск внутренних врагов, угрожающих «демократическому строю и материальному базису общества». К находкам и изобретениям принадлежат террористы, организованная преступность, наркоторговцы и т. д. В этом нет ничего нового – новой является только интенсивность этого поиска и склонность к политизации проблем, ассоциируемых с тем или иным врагом, на национальном и международном уровнях. Враги угрожают именно тому, что провозглашается как конституирующие политическую общность ценности.

Судорожный поиск новых источников внутренней опасности становится важной политической задачей в связи с утратой «большого внешнего врага». «Подлым образом» последний оставил после себя вакуум в пространстве рисков и опасностей\*. В этом смысле можно говорить не только о «потребностях в безопасности», но и, в порядке понятийной инверсии, о «потребностях в опасности». На место прежней «красной угрозы» приходит теперь «нынешняя угроза со стороны подростковых банд – богато окрашенное воображением восприятие классовых отношений, сфера псевдознаний и проекции фантазий» [16, р. 311]. «Идея безопасности претерпела в публичном дискурсе Федеративной Республики Германии удивительное превращение: если до середины 1980-х гг. понятия вроде «политики безопасности» или «советник по безопасности» однозначно относились к сфере внешней политики, то с крушением Советского Союза и его последствиями сместились координаты разграничения между внутренней и внешней политикой. Выражаясь попросту: «русский», который до этого в качестве относительно абстрактной угрозы обитал за «железным занавесом», теперь заявляется лично, только не на танке, а на «ладе». И он теперь уже не покушается, если угодно верить диагностикам современности, на произ-

водственные сооружения фирмы «Мерседес-Бенц». Зато уж тем более недвусмысленным образом положил глаз на «мерседес» соседа» [27, s. 9].

Из вышесказанного вытекает гипотеза, что за растущей репрессивностью стоят не только эгоцентричные интересы бюрократических и коммерческих субъектов бизнеса безопасности и популистское стремление политиков к «эффектной демонстрации дееспособности и мнимо эффективных подходов к решению проблем» [20, s. 133]. Репрессивные настроения и карательные притязания граждан пробуждаются и взращиваются не только в виде моральных паник, вдохновляемых и раздуваемых политиками, бюрократиями и индустрией при посредничестве средств массовой информации. Скорее, карательно-репрессивное политическое предложение находит жаждущий именно такого предложения и возникший независимо от него спрос. Оба аспекта сливаются в сладкой гармонии реципрокции, выводя внутреннюю безопасность на высшие позиции в политической повестке дня.

Такая интерпретация повышения репрессивности сохраняет лицо процессуальной демократии. Репрессивное развитие происходит не вопреки воле демократического суверена и движимо не лежащими вне институциональной системы и процесса демократии факторами вроде интересов индустрии безопасности. Дело выглядит таким образом, что сам демократический процесс имеет тенденцию производить на свет результаты, носящие все более явственный антидемократический характер. Объяснение этой тенденции не сводится к завершению холодной войны и противостояния Запада с Востоком – растение произрастает на собственной «внутрисистемной» почве и пустило корни задолго до крушения альтернативной системы. Фиксированная на идее борьбы с внутренним врагом репрессивная политическая культура не просто приходит на место столь же репрессивной политической культуры, отличие которой состоит лишь в направленности карательных установок на внешнего врага, она заполняет культурные и институциональные пространства, заполненные ранее нерепрессивным (социальным, культурным, сексуальным и иным) содержанием и теперь «очищаемые» от последнего.

\* Речь идет, видимо, об одной из потерь, которые имеет в виду К. Оффе: «Реальный социализм и его достижения шли на пользу Западу, попавшему теперь в трудную ситуацию в связи с крушением социализма. Гораздо больше преимуществ, чем из эксплуатации третьего мира, мы извлекали из существования второго мира. Утрату этих преимуществ теперь надлежит компенсировать внутрисистемными средствами» [26, s. 291–292].

# СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Погорельская С.В.* «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2004. — № 3.
2. *Уолцер М.* Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. — М. : Идея-пресс/Дом интеллектуальной книги, 1999.
3. *Allen R.* Foreword // J.V. Roberts & M. Hough (eds.): *Changing Attitudes to Punishment* // *Public Opinion, Crime and Justice.* — Willan, 2002: XVII–XVIII.
4. *Beckett K.* *Making Crime Pay. Law and Order in Contemporary American Politics.* — New York & Oxford : Oxford University Press, 1997.
5. *Beckett K.* Political Preoccupation with Crime Leads, not Follows, *Public Opinion* // *Overcrowded Times.* — 1997. — № 5.
6. *Besserer S.* Attitudes toward sentencing in nine industrialized countries // Nieuwebeerta, P. (ed.): *Crime Victimization in Comparative Perspective.* — The Hague: Boom Juridische uitgevers, 2001.
7. *Birsl U., Lösche P.* (Neo-)Populismus in der deutschen Parteienlandschaft. Oder: Erosion der politischen Mitte // D. Loch und W. Heytmeier (Hrsg.): *Schattenseiten der Globalisierung.* — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001.
8. *Boers K., Sessar K.* Do People Really Want Punishment? // Sessar K. & Kerner H.-J (eds.): *Developments in Crime and Crime Control Research.* — New York & Berlin, 1991.
9. *Bottoms A.E.* The Philosophy and Politics of Punishment and Sentencing // Clarkson, C. & Morgan, R. (eds.): *The Politics of Sentencing Reform.* — Oxford : Clarendon Press, 1995.
10. *Bourdieu P.* *Gegenfeuer. Wortmeldungen im Dienste des Widerstands gegen die neoliberale Invasion.* — Konstanz : Univ.-verl. Konstanz, 1998.
11. *Brownlee I.* *Community Punishment. A critical Introduction.* — London : Longman, 1998.
12. *Butterwegge C., Meier L.* Bremen — das kleinste Bundesland als parlamentarisches Experimentfeld für die extreme Rechte (1952/52, 1967–1971, 1987–1995) // Butterwegge, C.; Griese, B.; Krüger, C.; Meier, L. & Niermann, G. (Hg.): *Rechtsextremisten in Parlamenten.* — Opladen : Leske & Budrich, 1997.
13. *Caplow T., Simon J.* *Understanding Prison Policy and Population Trends* // Tonry, M. & Petersilia, J. (eds.): *Prisons.* — Chicago & London : The University of Chicago Press, 1999.
14. *Cavadino M., Dignan J.* *The Penal System,* 3rd edn. — London : Sage, 2002.
15. *Christie N.* *Crime Control as Industry. Towards Gulags, Western Style.* 3rd edn. — London & New York : Routledge, 2000.
16. *Davis M.* *City of Quartz. Ausgrabungen der Zukunft in Los Angeles.* — Berlin & Göttingen, 1994.
17. *Doble J.* Attitudes to punishment in the US — punitive and liberal opinions // Roberts J.V. & Hough M. (eds.): *Changing Attitudes to Punishment. Public opinion, crime and justice.* — Willan Publishing, 2002.
18. *Doob A.N.* Community sanctions and imprisonment: hoping for a miracle but not bothering even to pray for it // *Canadian Journal of Criminology.* — 1990/32.
19. *Golbert V.* *Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten.* — Lit-Verl. : Münster-Hamburg-London, 2003.
20. *Heinz W.* Kriminalpolitik an der Wende zum 21. Jahrhundert: taugt die Kriminalpolitik des ausgehenden 20. Jahrhunderts für das 21. Jahrhundert? // *Bewährungshilfe,* 2000/Jg. 47/Nr.2.
21. *Lockhart B., Blair C.* Community sanctions and measures in Ireland // Albrecht, H. & Kalmhout, A. (eds.): *Community Sanctions and Measures in Europe and North America.* — Freiburg : Edition Iuscrim, 2002.
22. *Luhmann N.* *Die Gesellschaft der Gesellschaft.* — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1999.
23. *Luhmann N.* *Jenseits von Barbarei* // Miller, M. & Söffner H.-G. (Hrsg.): *Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts.* — Frankfurt am Main, 1996.
24. *Martin H.-P., Schumann H.* *Die Globalisierungsfalle. Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand.* — Hamburg : Rowohlt, 1996.
25. *Mayhew P., Kesteren van J.* Cross-national attitudes to punishment // J.V. Roberts & M. Hough (eds.): *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice.* — Willan, 2002.
26. *Offe C.* *Der Tunnel am Ende des Lichts. Erkundungen der politischen Transformation im Neuen Osten.* — Frankfurt am Main & New York : Campus, 1994.
27. *Peters H.* *Die Inszenierung «Innere Sicherheit» — Zur Einführung in das Thema* // Hitzler, R. & Peters, H. (Hrsg.): *Inszenierung: Innere Sicherheit.* — Opladen, 1998.

28. *Roberts J. V., Stalans L.J., Indermaur D. et al.* V. Penal Populism and Public Opinion. Lessons From Five Countries. — Oxford University Press, 2003.
29. *Roberts J. V.* Public opinion and the nature of community penalties: international findings // J.V. Roberts & M. Hough (eds.): *Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice.* — Willan, 2002.
30. *Scheerer S.* Der politisch-publizistische Verstärkerkreislauf. Zur Beeinflussung der Massenmedien im Prozess strafrechtlicher Normgenese // *Kriminologisches Journal.* — 1986/10.
31. *Seiter P.* 1998: Public safety and community supervision: an oxymoron? // *Correctional Management Quarterly.* — 1998/2: IV.
32. *Simon J.* Gewalt, Rache und Risiko. Die Todesstrafe im neoliberalen Staat // Trotha, T. von (Hrsg.): *Soziologie der Gewalt. Sonderheft der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie,* 1997/37.
33. *Taggart P.* Populism. — Buckingham, England : Open University Press, 2000.
34. *Wacquant L.* Elend hinter Gittern. — Universitätsverlag Konstanz, 2000.
35. *Wacquant L.* Vom wohltätigen Staat zum strafenden Staat: über den politischen Umgang mit dem Elend in Amerika // *Leviathan.* — 1997/Bd. 50.

### BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. *Pogorel'skaya S.V.* «Vechno vcherashnie»: pravyy populizm i pravyy radikalizm v Zapadnoy Evrope // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* — 2004. — № 3.
2. *Uoltser M.* Kompaniya kritikov. Sotsial'naya kritika i politicheskie pristrastiya KhKh veka. — M. : Ideya-press/Dom intellektual'noy knigi, 1999.
3. *Allen R.* Foreword // J.V. Roberts & M. Hough (eds.): *Changing Attitudes to Punishment // Public Opinion, Crime and Justice.* — Willan, 2002: XVII–XVIII.
4. *Beckett K.* Making Crime Pay. Law and Order in Contemporary American Politics. — New York & Oxford : Oxford University Press, 1997.
5. *Beckett K.* Political Preoccupation with Crime Leads, not Follows, Public Opinion // *Overcrowded Times.* — 1997. — № 5.
6. *Besserer S.* Attitudes toward sentencing in nine industrialized countries // Nieuwebeerta, P. (ed.): *Crime Victimization in Comparative Perspective.* — The Hague: Boom Juridische uitgevers, 2001.
7. *Birsl U., Lösche P.* (Neo-)Populismus in der deutschen Parteienlandschaft. Oder: Erosion der politischen Mitte // D. Loch und W. Heytmeier (Hrsg.): *Schattenseiten der Globalisierung.* — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001.
8. *Boers K., Sessar K.* Do People Really Want Punishment? // Sessar, K. & Kerner, H.-J (eds.): *Developments in Crime and Crime Control Research.* — New York & Berlin, 1991.
9. *Bottoms A.E.* The Philosophy and Politics of Punishment and Sentencing // Clarkson, C. & Morgan, R. (eds.): *The Politics of Sentencing Reform.* — Oxford : Clarendon Press, 1995.
10. *Bourdieu P.* Gegenfeuer. Wortmeldungen im Dienste des Widerstands gegen die neoliberale Invasion. — Konstanz : Univ.-verl. Konstanz, 1998.
11. *Brownlee I.* Community Punishment. A critical Introduction. — London : Longman, 1998.
12. *Butterwegge C., Meier L.* Bremen — das kleinste Bundesland als parlamentarisches Experimentfeld für die extreme Rechte (1952/52, 1967–1971, 1987–1995) // Butterwegge, C.; Griese, B.; Krüger, C.; Meier, L. & Niermann, G. (Hg.): *Rechtsextremisten in Parlamenten.* — Opladen : Leske & Budrich, 1997.
13. *Caplow T., Simon J.* Understanding Prison Policy and Population Trends // Tonry, M. & Petersilia, J. (eds.): *Prisons.* — Chicago & London : The University of Chicago Press, 1999.
14. *Cavadino M., Dignan J.* The Penal System, 3rd edn. — London : Sage, 2002.
15. *Christie N.* Crime Control as Industry. Towards Gulags, Western Style. 3rd edn. — London & New York : Routledge, 2000.
16. *Davis M.* City of Quartz. Ausgrabungen der Zukunft in Los Angeles. — Berlin & Göttingen, 1994.
17. *Doble J.* Attitudes to punishment in the US — punitive and liberal opinions // Roberts, J.V. & Hough, M. (eds.): *Changing Attitudes to Punishment. Public opinion, crime and justice.* — Willan Publishing, 2002.
18. *Doob A.N.* Community sanctions and imprisonment: hoping for a miracle but not bothering even to pray for it // *Canadian Journal of Criminology.* — 1990/32.
19. *Golbert V.* Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten. — Lit-Verl. : Münster-Hamburg-London, 2003.



20. *Heinz W.* Kriminalpolitik an der Wende zum 21. Jahrhundert: taugt die Kriminalpolitik des ausgehenden 20. Jahrhunderts für das 21. Jahrhundert? // *Bewährungshilfe*, 2000/Jg. 47/Nr.2.
21. *Lockhart B., Blair C.* Community sanctions and measures in Ireland // *Albrecht, H. & Kalmhout, A. (eds.): Community Sanctions and Measures in Europe and North America.* – Freiburg : Edition Iuscrim, 2002.
22. *Luhmann N.* Die Gesellschaft der Gesellschaft. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1999.
23. *Luhmann N.* Jenseits von Barbarei // *Miller, M. & Söffner H.-G. (Hrsg.): Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts.* – Frankfurt am Main, 1996.
24. *Martin H.-P., Schumann H.* Die Globalisierungsfalle. Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand. – Hamburg : Rowohlt, 1996.
25. *Mayhew P., Kesteren van J.* Cross-national attitudes to punishment // *J.V. Roberts & M. Hough (eds.): Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice.* – Willan, 2002.
26. *Offe C.* Der Tunnel am Ende des Lichts. Erkundungen der politischen Transformation im Neuen Osten. – Frankfurt am Main & New York : Campus, 1994.
27. *Peters H.* Die Inszenierung «Innere Sicherheit» – Zur Einführung in das Thema // *Hitzler, R. & Peters, H. (Hrsg.): Inszenierung: Innere Sicherheit.* – Opladen, 1998.
28. *Roberts J. V., Stalans L.J., Indermaur D. et al.* V. Penal Populism and Public Opinion. Lessons From Five Countries. – Oxford University Press, 2003.
29. *Roberts J. V.* Public opinion and the nature of community penalties: international findings // *J.V. Roberts & M. Hough (eds.): Changing Attitudes to Punishment. Public Opinion, crime and justice.* – Willan, 2002.
30. *Scheerer S.* Der politisch-publizistische Verstärkerkreislauf. Zur Beeinflussung der Massenmedien im Prozess strafrechtlicher Normgenese // *Kriminologisches Journal.* – 1986/10.
31. *Seiter P.* 1998: Public safety and community supervision: an oxymoron? // *Correctional Management Quarterly.* – 1998/2: IV.
32. *Simon J.* Gewalt, Rache und Risiko. Die Todesstrafe im neoliberalen Staat // *Trotha, T. von (Hrsg.): Soziologie der Gewalt. Sonderheft der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie,* 1997/37.
33. *Taggart P.* Populism. – Buckingham, England : Open University Press, 2000.
34. *Wacquant L.* Elend hinter Gittern. – Universitätsverlag Konstanz, 2000.
35. *Wacquant L.* Vom wohlthätigen Staat zum strafenden Staat: über den politischen Umgang mit dem Elend in Amerika // *Leviathan.* – 1997/Bd. 50.

#### Информация об авторе

**Гольберт Валентин Викторович** (Чита) – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики. Забайкальский институт железнодорожного транспорта (ЗабИЖТ) (672040, г. Чита, ул. Магистральная, 11, e-mail: valja\_golbert@mail.ru)

#### Information about the author

**Golbert, Valentin Viktorovich** (Chita) – Ph.D. in Sociology, Ass. Professor, Chair of Economics. Zabaikalsky Institute of Railroad Transport (Magistralnaya st., 11, Chita, 672040, e-mail: valja\_golbert@mail.ru)